

Курильские страдания

Сверху совсем как игрушечный, пассажирский лайнер «Ольга Садовская» ещё белел на глади подковообразного залива на рейде Южно-Курильска, когда, сойдя с плашкоута на избитый тоннами грузов деревянный пирс, я прошествовал мимо просоленного и прокопчённого рыбозавода, и, по извилистой дороге поднявшись мимо деревянных барачков, оказался у здания почты.

Восемнадцать лет тому назад

Это был уже третий мой «десант» на Кунашир, но впервые он был осуществлен среди бела дня. Предыдущие два производились глубокой ночью, а самый первый к тому же ещё и под хоть и несильным, но ни на минуту не прекращающимся дождём и в условиях сильной качки, - бортовой теплоходный трап то задирался на полутораметровую высоту, то опускался вровень с палубой плашкоута. Будь волнение чуть более сильным, или капитан более осторожным, то, не разгрузившись и не взяв новых пассажиров, теплоход ушёл бы дальше, на Шикотан, - в рейсах на Курилы такое случается нередко.

Высадка пассажиров, тем не менее, проходила тогда весело, потому что возвращающиеся из отпусков и уже соскучившиеся по дому кунаширцы, - дело происходило в первой половине августа, - начали праздновать встречу с родным островом ещё на старенькой, уютной «Туркмении», и продолжили уже на плашкоуте - широкой неуклюжей барже, буксируемой к берегу прилепившимся сбоку катером. Один из таких празднующих не сумел потом перешагнуть, в общем-то, неширокое пространство между пирсом и бортиком плашкоута, который, возможно, именно в этот момент немного отодвинуло волной от причала, и ухнул с трёхметровой высоты в весьма прохладную и глубокую океанскую воду. Вскоре его, наглядно продемонстрировавшего действие известного правила, что пьяному море по колено, подняли на пирс. Вымок он, правда, с головой, но был в целостности и сохранности, по-прежнему весёлым и лишь слегка протрезвевшим.

А ещё до выгрузки на плашкоут, многие пассажиры «Туркмении» наблюдали за своеобразным аукционом полутора сотен молодых девушек (так и просится, раз уж упомянут аукцион - рабынь), которых прибыли с материка для работы на плавбазах, - их огни разноцветным мерцающим бисером были рассыпаны в непроглядной ночи. По очереди к теплоходу подходили катера, в скрипучие мегафоны с них выкрикивали названия плавбаз, и приписанные к ним девушки сходили на них по качающимся трапам. Затем катера один за другим бесследно исчезали в кромешной тьме.

Тот рейс вообще был молодёжным. Открытая передняя палуба «Туркмении», - четвёртый, «палубный» класс по терминологии пассажирского помощника капитана и билетных кассиров, - была заставлена палатками со студентами-первокурсниками геологического факультета Владивостокского политеха. Под руководством дальневосточного палеовулканолога Г.М.Фремда они добирались на Кунашир на первую свою геологическую практику. Первые вечер и ночь они провели прямо на палубе под открытым небом, - было по-южному тепло, - но на второй день нашего путешествия, когда теплоход поднялся в более высокие широты, и подул "свежий ветер странствий", они срочно приступили к установке палаток, привязывая их, за что попало.

Вместе с моим сокурсником Женькой Булгаковым мы тоже находились на практике, но уже на преддипломной. Когда в конце четвертого курса мы выбирали себе будущих руководителей дипломных работ и места прохождения практик, не задумываясь, я остановился на профессоре Татьяне Ивановне Фроловой, которой нужны были два студента для поездки в экспедицию в Приморье. Мой выбор был обусловлен не столько географическим аспектом, сколько тем, что на защите курсовых Татьяна Ивановна жестоко раскритиковала мою работу, которую я писал на четвертом курсе.

Пришлось рассказать, что на производственной практике, - на геологической съемке в Восточном Саяне, - я практически и не мог набрать материала для хорошей петрологической работы. Там я опробовал, как мне казалось, хороший разрез кембрийских вулканитов, но породы оказались настолько изменёнными, что из них удалось получить самый минимум информации. Работу, оценённую сердобольными петрографами в четыре балла, я всё-таки сделал, хотя, положив руку на сердце, больше тройки себе не поставил бы.

Исходя из изложенного, я рассудил, что преподавателя, сразу увидевшего огрехи моего произведения и не постеснявшегося их озвучить, непременно следует брать в руководители, - уж он то научит, как нужно делать науку. О сделанном выборе я не пожалел ни разу, и моё блестящее предвидение подтверждает тот факт, что под руководством Татьяны Ивановны я написал потом не только дипломную, но и кандидатскую работу. Мне кажется, что она научила меня излагать мысли логично и просто, как это делает сама, за что от меня ей низкий поклон.

Со временем выяснилось, что вместо Приморья нам предстоит работать на одном из южных островов Большой Курильской гряды, на Кунашире. Предвкушение встречи, теперь уже с "Заморьем", для нас с Джоном - так, по-английски, в соответствии с непреходящей среди молодых людей моде, на нашем курсе звали Женьку, - стало ожиданием настоящего праздника. Когда же в середине июня на Кунашире началось извержение вулкана Тятя-яма, или просто Тяти, до этого считавшегося безнадежно потухшим, то наша экспедиция стала представляться сказкой наяву.

Путь от Москвы до самого последнего километра Транссибирской магистрали мы с Джоном преодолели на железнодорожной платформе с погруженным на неё экспедиционным автомобилем, забитым полевым скарбом и продуктами. Три недели мы жили в крытом фанерой и брезентом кузове, который был нам и спальней, и гостиной, и столовой, и кухней, и, как потом выяснилось, перевязочным пунктом и лечебницей.

В столь дальней дороге, естественно, не обошлось без приключений. На какой-то небольшой станции перед Канашом в Чувашии, отправившись на поиски воды, я чуть было не отстал от поезда. Вынужденный заскочить на ходу набирающего скорость состава на одну из последних платформ, заставленных закреплёнными проволочными скрутками новенькими автопогрузчиками, я часа полтора потом ехал в кабине одного из них, - первая же дверь, которую попытался открыть, оказалась незапертой.

В Канаше поезд остановился и, убедившись, что двигаться он не собирается, с пустой канистрой в руках я побежал вдоль состава в его голову, где стояла наша платформа. Посередине меня вдруг остановили трое мужчин, которые спросили, кто я такой и куда так спешаю. Всё им рассказал, не забыв об автопогрузчике, в котором временно ехал, и, как мне показалось сначала, был отпущен с миром. Забрался на свою платформу, обрадовав своим появлением Джона, - на светлой фанерной стенке будки, куда мы заносили некоторую информацию о нашем передвижении по магистрали, он уже написал такой текст: «Гешка отстал от поезда такого-то, тогда-то. Вечная ему память!», заключив его в траурную рамку. Несмотря на внешнюю суровость, иногда переходящую в угрюмость, Женька Булгаков был веселым и остроумным парнем и мог очень тонко пошутить. Ровно через десять лет после нашего с ним путешествия, летом 1983 года он, к несчастью, погиб в геологической экспедиции в Казахстане.

Мои университетские друзья звали меня Гешей. Только через много лет, после очередного просмотра "вечного" гайдаевского фильма «Бриллиантовая рука», появившегося на экранах как раз тогда, когда все мы прошли эволюционный путь развития: «выпускник школы – абитуриент - студент», я понял, откуда они, истоки этого имени. Все, конечно, помнят, что именно так Лёлик–Анатолий Папанов звал эксцентричного, постоянно попадающего в смешные истории другого героя, блестяще исполненного Андреем Мироновым. По-видимому, своим поведением я напоминал этого персонажа, поэтому и моё имя было несколько трансформировано.

... Рассказал всё слово в слово и Джону, уже четвёртому за последние пару минут слушателю моей, в общем-то, пока ещё счастливой истории, порекомендовав ему написать под траурной рамкой опровержение, что слухи о моем отставании оказались несколько преувеличены.

На этом бы всей истории и закончиться, - ан нет! Минут через десять, когда я уже чем-то занимался в кузове, загремел железный борт платформы, и по её деревянному покрытию раздались тяжёлые шаги. Это к нам пожаловали непрошенные гости, - те самые, останавливающие и опрашивающие меня мужики.

Самый решительный из них сразу, без предисловий, проговорил мне сквозь зубы: «Сейчас же отдавай молоток!» - стал «братъ быка за рога», в общем. Я пригляделся к нему, - на сумасшедшего он похож не был, смотрел на меня осмысленно, хотя и враждебно, как и другие, впрочем. Очень скоро, - в университете всё-таки обучался, - стало ясно, в чём меня обвиняют: в автопогрузчике, в котором я ехал, был кем-то вскрыт инструментальный ящик, из которого исчез молоток. Этот некто, видимо, и кабину автопогрузчика открыл, - она должна быть опломбирована, а поскольку я сам рассказал, что открывал её, то и это вменялось мне в вину.

Вначале я буквально онемел от ложного обвинения, но быстро пришёл в себя и также на повышенных тонах начал доказывать, что ничего не вскрывал и не брал, посидел только в автопогрузчике, держа руки на руле. Сей факт я отрицать не мог, ведь любая дактилоскопическая экспертиза это доказала бы в два счета.

Самым забавным было то, что мне инкриминировали кражу того, чего мы уже имели более чем в достатке, - какие бы мы были геологи, если бы у нас не было молотков, - с десяток их лежало в кузове, убедиться в чём, я пригласил своих обвинителей. Это не могло, мужики продолжали на меня наезжать, даже не принимая во внимание тот очевидный факт, что спрятать на своем теле молоток из автопогрузчика, - не из часовой же мастерской, - мне было абсолютно негде, ведь я был одет в легкую рубашку с короткими рукавами, стоял июль месяц всё-таки.

Один Джон был на моей стороне, но он ничем мне помочь не мог, ведь и его можно было рассматривать, как соучастника преступления. Речь стала заходить о том, что меня следует снять с поезда. Я был категорически против такого поворота событий и, поменяв тактику разговора, сменил тон на более спокойный. Скоро после этого, в сплочённой группе мужиков произошёл раскол, - один из них продолжал свои обвинительные речи, но двоих других, - я даже сам не понял, когда это произошло, - мне удалось превратить в своих союзников.

Начатая мной миролюбивая политика пробила брешь в единстве обвинителей. Счёт вместо недавнего сокрушительного «ноль-три», вдруг, - как будто Старик Хоттабыч свой волосок в нужное время разорвал, - превратился в «два-один» в мою пользу. Хотя и с минимальным счётом, но это была победа. Двое моих теперь уже союзников начали уговаривать третьего отвязаться от меня, и с величайшим неудовольствием тот вынужден был признать своё поражение. Спрыгивая с платформы, он всё-таки зловеще пообещал, что в Казани за мной обязательно придут, - люди в серых шинелях, мысленно добавил я от себя.

Продолжения эта история не имела, хотя именно во время стоянки в Казани, куда мы прибыли глухой ночью, к нам на платформу кто-то запрыгнул и, откинув полог, осветил на нас фонарем. Я уже невесело подумал, что мне пора с вещами на выход. Вероятно, это был какой-то железнодорожный расхититель социалистической собственности, потому что, рассмотрев наши блеснувшие в свете фонаря глаза, он резко бросил полог, спрыгнул вниз и, стремительно убегая, часто захрустел камнями отсыпки. Желания догнать человека с фонарём, чтобы спросить, чего ему было надо, а также, какие он испытал чувства, увидев недремлющих нас, - сейчас, при написании повести мне это пригодилось бы, - тогда у нас совершенно не было. Наши молодые организмы требовали сна, и вскоре они получили его сполна.

Двумя сутками позже новое приключение, гораздо менее благоприятное, и снова со мной. При переформировке состава на станции Свердловск-сортировочная с горки спустили две платформы с многотонными экскаваторами, которые так ударили по нашему составу, мирно стоявшему на берегу Исетского пруда, что в соответствии с законами механики, мы чуть не вылетели из кузова, и лучше бы, выбирая меньшее зло, я сделал именно это. Случилось же зло неизмеримо большее, потому что стоявший на портативной газовой плитке котелок с только что заваренным чаем, опрокинулся на мою обутую в туристический ботинок ногу, которую именно в эту секунду, принимая более удобное положение, я проносил в опасной близости от плитки.

Пока я срывал с ноги зашнурованный ботинок, а затем ещё с полчаса после этого, у меня было ощущение, будто я держу ногу в сосуде с расплавленным металлом. Видя мои сопровождаемые зубным скрежетом мучения, Джон налил мне полстакана водки, - несколько бутылок этого спиртного напитка мы захватили в дорогу, чтобы хоть изредка, хоть нечасто скрашивать однообразие пути. После перемещения жгучей жидкости в мой желудок боль в ноге стала постепенно стихать. Затем мы уже вместе с Джоном выпили снова, а потом ещё.

Одним из последних моих воспоминаний того дня было вот что: наша платформа медленно катится мимо перрона свердловского вокзала, а мы стоим у её борта и горланом песню про вагонные колеса, «диктующие», что «вместе не встретиться нам», радостно сообщая скопившимся на перроне людям, что «наш адрес не дом и не улица – наш адрес Советский Союз», прощально машем им всеми четырьмя руками, успевая посылать приглянувшимся девушкам воздушные поцелуи, - малая скорость движения позволяла нам их рассмотреть и оценить степень привлекательности.

Как я себя чувствовал на следующее утро, когда водочная анестезия кончилась, зато началось похмелье, лучше и не вспоминать.

Первые дни после ожога я не мог опускать ногу вниз, – тут же начиналась непереносимая боль. По ночам, чтобы нога была выше головы, приходилось подкладывать под неё набитый вещами рюкзак, - только в таком положении я мог спать более или менее спокойно. На крупных станциях ходил в медпункты на перевязки, – как проводник груза я имел на это законное право, и к концу пути был почти здоров.

Больше никаких приключений у нас не было, если не считать того, что где-то посредине трассы мужества «number one» Абакан – Тайшет (Байкало-Амурская, соответственно – «number two»), когда наш поезд вилась вдоль горной реки в Восточном Саяне, один из вагонов колёсной парой сошёл с рельсов и некоторое время крушил шпалы. Произошло это ночью, когда, налюбовавшись закатом в горах, мы уже лежали в спальнях мешках. Вдруг поезд резко остановился. Кругом стояла глухая тайга, в обе стороны от дороги спускались крутые откосы.

Скоро мимо нашей платформы пробежали люди, оказавшиеся машинистами электровоза. Мы поинтересовались сверху, что там произошло. Нам ответили, что где-то посредине состава сыплются искры, - они увидели это на очередном повороте. Минут через десять, оживлённо переговариваясь, машинисты возвращались обратно. Они поведали нам то, о чем я уже написал, а также свой возможный, к счастью не реализованный, прогноз, что если бы поезд не остановился сейчас, то на следующем повороте вагоны, как доминошки, стали бы валиться под откос. От такого сообщения стало не по себе, ведь случись подобная авария, то, учитывая высоту насыпи, от нас с Женькой, наверное, остались бы только «фрагменты тел».

Наш укороченный состав оттащили на ближайшую станцию и тронулись в дальнейший путь мы лишь спустя несколько часов. К длительным стоянкам, впрочем, мы привыкли. На станции Половина в Иркутской области, - по непроверенным данным она стоит как раз посредине между Москвой и Владивостоком, - наш состав, оттащив его на запасной путь, вообще бросили на два дня. В местный медпункт я успел сходить на перевязки раза три, прежде чем нас прицепили и мы услышали такой желанный для нас бегущий

спереди нарастающий грохот, сигнализирующий, что вскоре и наша платформа дёрнется и покатится. Потом этот грохот лавиной уходил в хвост состава, уступая место другому звуку – мерному перестуку колёс на стыках рельсов.

Последняя длительная стоянка, полуторасуточная, была у нас уже в Приморье, на станции Губерова в нескольких километрах от советско-китайской границы. Мы уже настолько освоились со своей должностью, что я позволял себе здесь, подобно революционному матросу, прихрамывая, ходить к начальнику станции с требованием немедленной отправки состава. Для полной аналогии с матросом не хватало бескозырки на перевязанной голове и пулемётных лент на груди крест-накрест, да маузера на поясе, - были только тельняшка, да белые бинты на ноге.

Последнюю неделю своего железнодорожного турне мы питались всухомятку, поскольку газовых баллончиков нам дали только два, а каждого из них хватало ровно на неделю. В ранней молодости, впрочем, на такие мелочи не обращаешь внимания.

За многотысячекилометровый путь от Москвы до Владивостока к нам неоднократно просились попутчики. Мы не отказывали никому. Один парень в Забайкалье ехал с нами суток двое до Дарасуна. Не исключено, что он был или беглым, или только что освобождённым, - на него он сильно смахивал, и внешне, и потому, что попросился сначала до одной станции, кажется до Хилка, потом вдруг оказалось, что ему надо дальше. Так или иначе, мы с ним делились своим сухим пайком, и покинул он нас без всякой обиды, с небольшой, правда, травмой, - это я совершенно случайно прижал ему палец на руке дверью кабины, в которую мы иногда забирались. Боюсь, что после этого у него сошёл ноготь, но это уж издержки перемещения на платформе, я и сам был не вполне здоров.

За сутки до конца нашего путешествия, к нам подсел оборванного вида парень, который сказался сыном военного коменданта Владивостока, - хорошо ещё, что не лейтенанта Шмидта. Весь оставшийся путь он питался с нами, развлекая своими байками, какой он крутой, а когда нас загнали в тупик на станции Владивосток, ушёл, клятвенно пообещав скоро появиться с выпивкой и закуской. Больше мы его, разумеется, не видели.

Владивосток

Соединившись с прилетевшими из Москвы остальными членами отряда, сотрудниками кафедры петрографии геофака МГУ Владимиром Роговым, Ириной Буриковой, Анатолием Гущиным и Татьяной Комаровой, несколько дней до теплохода в бухте Шамора в Уссурийском заливе близ Владивостока мы принимали морские ванны. С солнечными ними было гораздо хуже, - до середины августа светило здесь редко пробивается сквозь густой туман. В такое время чувствуешь себя огурцом в парнике, - хочется, чтобы тебя непрерывно поливали из лейки. Альтернатива этому – безвылазно сидеть в море, благо на его дне есть на что посмотреть – морские звёзды, ежи, крабы-отшельники в охапку со своими домиками-ракушками, чуть подальше на песке морские огурцы – трепанги. Я ненадолго вылезал из воды лишь для того, чтобы принять пищу и участие в хозяйственной деятельности отряда, - дров там собирать, за питьевой водой сходить. Остальное же время барахтался в море, обследуя чрезвычайно населённое дно, каменистые мысы.

Названия островов, бухт, проливов и мысов в районе Владивостока поражают своей поэтикой, вы только послушайте: Рейнеке, Рикорда, Патрокл, Диомид, Золотой Рог, Улисс, Аякс, Парис, Емар, Новик, Рында, Старк, Эгершельд, Босфор-Восточный, наконец. Если вы приезжаете во Владивосток на поезде, то сразу же, едва покинете железнодорожный вокзал, окунаетесь в дальневосточную романтику, оказавшись на Алеутской улице. Поднимитесь немного вверх до Посьетской, поверните направо, перевалите через гривку под пушкой, стреляющей ровно в полдень, затем немного вниз, - и вы на улице Светланской.

Кто хорошо знает Владивосток, возразит, что до Светланской можно дойти и короче, сразу по Алеутской. *«Правильно, короче, но не быстрее»*, - отвечу я, - *«Вам, ведь захочется зайти в «Арагви», и вы застрянете в двух шагах от неё»*. Это про Светланскую, довольно длительное время по большевистской традиции называемой Ленинской, Александр Твардовский написал когда-то: *«К этой улице швартуются, пройдя полсвета, корабли!»*. Поверните с Алеутской улицы направо, и вы их увидите, эти корабли, - они стоят у причальной стенки вплотную друг к другу, задевая своих соседей подвешенными по бортам старыми покрышками от автомобилей.

Если же вы проществуем по Алеутской ещё два квартала, или проедете остановку на трамвае второго маршрута, то окажетесь на перекрёстке, где до середины семидесятых годов стоял кинотеатр «Родина». Доброжелательно улыбаясь, молодые парни в трамвае вежливо здесь спрашивали у девушек: *«Вы, у «Родины», выходите?»*, своей интонацией заключая середину вопроса в запятые. Посвящённым девушкам обижаться было не принято, а следовало отвечать: *«Сами не красавицы!»*.

Люблю Владивосток с первого взгляда! Наверное, в одной из предыдущих жизней, матросом корабля, первых бросившем якорь в этом райском уголке, мне довелось заходить в бухту, названную Золотым Рогом. Жизнь сложилась так, что я был вынужден уехать оттуда, но часть своего сердца я навсегда оставил в этом, насквозь продутым всеми ветрами портовом городе.

Наш путь на Курилы начинался на Морском вокзале. В одной песне поётся о том, что «провожают теплоходы совсем не так, как поезда», поскольку «морские медленные воды, не то, что рельсы в два ряда». Мне никогда не было понятна логика этих слов, наверное, здесь мы имеем дело с образцом чистой поэзии, которую, как и любую гармонию, «алгеброй» поверять не рекомендуется.

Несмотря на то, что во Владивостоке все мы оказались впервые, провожать нас тоже нашлось кому. Это Света Медяник, наша с Джоном однокурсница, в назначенный час пришла на Морской вокзал. Его «башенки», - кажется уместным вернуться к словам из той же песни о вездесущей воде, - совсем уж приготовились «исчезнуть» из поля нашего зрения, а «причал» давно мечтал начать «удаляться» от нас, - ему надоели наши по нему топтания в тяжелых туристических ботинках с грубыми протекторами.

Со Светой мы встретились на оживлённом Океанском проспекте уже на второй день нашего пребывания в городе, когда машина с Джоном в качестве охранника ещё стояла на платформе, а я рыскал по всему Владивостоку в поисках наших начальников. Обладая минимумом информации о них, всё-таки я вышел на их горячий след, и мне нужно было сделать последний телефонный звонок, после которого всё должно было окончательно проясниться.

Чтобы наменять двушек для телефона-автомата (позвонить по уличному телефону при социализме стоило две копейки, - замечание для молодых читателей), на рынке возле Приморского геологического управления я купил кулёк вишен и, сплёвывая косточки в кулак, жевал их в ожидании своей очереди крутить телефонный диск. Неожиданно вижу боковым зрением, как какая-то девушка, пристально осмотрев меня, произнесла удивлённо, ещё не веря в своё счастье: *«Гешка, ты что ли?!»*. Надо было уехать из Москвы почти за десять тысяч километров, чтобы на улице большого города вот так запросто встретить хорошо знакомого человека!

Света Медяник находилась на практике в Приморском геологическом управлении, где она занималась своими ракушками. Начинала она учиться вместе с нами, на геохимии, но потом увлеклась ископаемой флорой и фауной и вероломно «изменила» нам, - ушла в палеонтологи. Обрадовались мы друг другу несказанно, поднялись к ней в лабораторию, попили чаю, и я, записав её местные координаты, отбыл на вокзал, где наше начальство в лице Владимира Рогова к тому времени уже нашлось само.

Ещё две такие неожиданные встречи произошли у нас потом на Кунашире, в самые первые дни пребывания там. Сначала, в Южно-Курильске, в узком коридоре здания ДО-

СААФ, которое арендовали камчатские вулканологи, прибывшие для изучения Тятинского извержения, мы столкнулись нос к носу с Наташкой Силантьевой, когда, побряхтывая, заносили с Женькой продуктовый ящик, - спуская его ночью по трапу с борта «Туркмении», мы едва не уронили его в Тихий океан. Увидев нас, Наташка сначала оторопела, а потом с радостным визгом повисла у меня на шее.

В конце мая, сразу после окончания сессии, меня и ещё троих наших сокурсников - Наташку Масалову, Сергея Медведева и Шурика Небрата она провожала во Внуково, откуда мы летели на Чёрное море, отдохнуть дикарями под Пицунду – в те годы студенты такое легко могли себе позволить. Силантьева же вскоре должна была отправляться на практику на Камчатку, и мы прощались с ней до осени. И вот такая неожиданная встреча буквально на краю света.

Все мы, её друзья, звали Наташу Мамой. Как никто, она умела заразительно смеяться на кинокомедиях, или, наоборот, рыдать во весь голос, как, например, при просмотре бразильского кинофильма «Генералы песчаных карьеров» в душераздирающей сцене опускания тела умершей героини в тёплые воды Атлантического океана. При этом мне приходилось делать вид, что я оказался рядом с ней совершенно случайно, потому что Наташка, а за компанию с ней и я, сразу становились центром внимания всего зала, благо ещё, что при демонстрации фильмов выключают свет.

Мамина увлеченность вулканами приведет к её распределению в Институт вулканологии ДВО РАН, куда она уедет под фамилией Гавриленко после замужества с ещё одним нашим сокурсником Жорой. Через пятнадцать лет, при переправе через бурную реку, она трагически погибнет на Камчатке.

...С гидрогеологом Володей Павловым мы вообще встретились у посёлка пограничников Горячий Пляж, в маршруте на вулкан Менделеева. Я ещё издали узнал его, и вначале стараясь прятать от него лицо, нарочито спокойным голосом, как будто встретился с ним в коридоре нашего общежития, поздоровался, поравнявшись: «Привет, Володя!». Он чуть не упал от удивления, - никак не ожидал встретить здесь своих однокурсников.

Но это всё будет потом, а пока что убрали трап, и под марш "Прощание славянки", осторожно набирая ход, «Туркмения» взяла курс на северо-восток.

Мы долго не спускались в каюту, пока теплоход проходил по Золотому Рогу, затем мимо Русского острова по правую руку и мыса Басаргина по левую - через пролив Босфор-Восточный, впитывая своими глазами красоту приморских берегов. Затем, чтобы смыть с себя морскую соль, по очереди воспользовались душем, давно уже редким для нас благом цивилизации.

Мне довелось идти последним, когда, видимо, срок подачи воды уже истекал, - на теплоходе соблюдался режим экономии пресной воды, - и едва я полностью намылился, она вдруг кончилась. В такой классической ситуации все ведут себя одинаково: несмотря на очевидную бесполезность таких действий, начинают лихорадочно вращать краны. Я был не оригинален и тоже зачем-то их покрутил.

Роман Ильфа и Петрова к тому времени я уже прочитал, фильм «Двенадцать стульев» тоже посмотрел, поэтому хорошо помнил, как один из героев оказался на лестнице без одежды. Искать водопроводчика по коридорам теплохода, роня мыльную пену на ковровую дорожку, я благоразумно не стал, и совсем уж приготовился вытереть мыло полотенцем, когда душ опять заработал. Видимо, первое отключение было предупредительным, как выстрел в воздух. Второй раз я уже не намыливался и правильно сделал, так как через полминуты работы душ снова замолчал.

Жизнь на теплоходе шла своим чередом. Некоторые из владивостокских студентов, – дело ведь молодое, – за три дня рейса успели весьма близко познакомиться с завербованными на плавбазы девушками, и многие пассажиры стали потом свидетелями сцены прощания одной из таких пар, когда под доброжелательный смех наблюдателей только дюжие матросы с плавбазы смогли оторвать рыдающую рыбачку от будущего геолога.

Пережить первую ночь на острове нам пришлось вместе со всей толпой студентов в одном из цехов располагающегося рядом с портом рыбозавода, - это наш начальник, в дождливой ночи ухитрился устроить крышу над головой для своего отряда, а они подтянулись позже. Студенты-первокурсники времени зря не теряли. Они тут же забрались в гигантский чан с приготовленной для засолки горбуши, за что были жестоко критикуемы объявившимся наутро заводским начальством, утверждающим, что теперь всю партию рыбы придётся забраковать.

Расстелив надувные резиновые матрасы и спальные мешки на цементном полу, и сразу отойдя ко сну, мы не принимали участия в этой ночной «рыбалке», поэтому покидали завод с чистой совестью, оставив Георгия Максимовича объясняться за поведение своих подопечных. Сейчас, спустя восемнадцать лет, проходя мимо сильно обветшавшего за эти годы завода, я «вспомнил время золотое, и сердцу стало так тепло!».

Улица «Имени 3-го сентября»

...В уже, наверное, подзабытом читателем отделении связи, куда я направлял свои стопы, единственным в Южно-Курильске, я рассчитывал получить письмо с инструкциями для меня от Владимира Сывороткина, сотрудника кафедры петрографии геофака МГУ.

Для проведения совместных работ на Кунашире мы должны были встретиться на Сахалине ещё десятью днями раньше, но дела задержали меня на материке, поэтому добраться до острова мне пришлось одному, в ожидании попутного теплохода двое суток просидев в мрачном сером Корсакове. О предполагаемом времени прибытия в ЮК, - так кунаширцы называют Южно-Курильск (губернскую же свою столицу Южно-Сахалинск, курильчане ласково и тепло зовут просто Южным) - я сообщил телеграммой ещё из Благовещенска. В ней я попросил Володю оставить «до востребования» на почте информацию о себе и своих планах.

В почтовое окошко я протянул свой потрёпанный от частого употребления паспорт: при покупках билетов на поезда, самолеты, теплоходы; при получении почтовых отправок; при проездах в пограничные зоны, - не далее как полчаса назад его листал проверяющий документы пограничник при выходе с пирса на землю; - при поселениях в гостиницы; при регистрациях и расторжении гражданских браков, наконец, - этот список можно было бы продолжать ещё долго.

Служащая почты быстро прокидала конверты на букву «Б» и, отрицательно покачав головой, вернула паспорт. С тем же результатом закончился и её второй по моей просьбе просмотр. В это не хотелось верить, но письма для меня не было. Тогда я сам оставил для Володи записку, в которой написал о своём прибытии на остров и предполагаемом месте обитания и вышел затем на крыльцо, где меня ждал давно потерявший первоначально сочный цвет хаки потрёпанный в экспедициях рюкзак.

Кроме некоторого запаса продуктов в нём лежали лёгкий синтепоновый спальник, сменная одежда, посуда и палатка, - как улитка, я носил свой дом, а заодно и кухню на плечах, это придавало спокойствие и уверенность в будущем. Во второе посещение Кунашира, которому уже минуло четырнадцать лет, сразу после высадки глухой ночью, используя в качестве кольев какие-то попавшиеся под руку доски, под ближайшим забором я поставил палатку, и сладко заснул, убаюканный шумом океанских волн, накатывающихся на чёрный песок.

Рассудив, что решения лучше всего принимать на сытый желудок, я пообедал в небольшом, столиков на шесть, кооперативном кафе, - в 91-м году, на заре «дикого» капитализма в России, таковые существовали в изобилии по всей стране. В кафе меня приятно удивило качество сливок, которые по своей густоте дали бы сто очков вперёд материковской сметане. Блинчики с мёдом и прекрасно приготовленная горбуша могли бы стать фирменными блюдами для любого уважающего себя ресторана. Всё это я запил соком ягоды клоповки, произрастающей только на Сахалине и Курилах, и имеющей ни с чем не

сравнимый вкус. В прекрасном настроении, - известно же, через что лежит путь к сердцу мужчины, - вышел из кафе, затем по длинной, зигзагом избегающей на террасу лестнице «цунами», спустился к речке Серебрянке и, перейдя её по деревянному мосту, по улице «Имени 3-го сентября» двинулся к западной окраине поселка.

Коллекционерам «датских» улиц, проспектов, бульваров, переулков, проездов и тупиков, названия которых происходят от каких-либо дат (например: «8 –го марта», «9-го января», «1-го мая», «Октябрьская» - с ними все ясно), сообщу, что эта, одна из самых восточных улиц России, названа так в честь дальневосточного «Дня Победы над империалистической Японией», особенно чтимого и отмечаемого жителями Сахалинской области.

Вспомнилось третье сентября в первое посещение Кунашира. Посланный за продуктами в магазин, - он находился как раз на улице имени той даты, каковая красовалась в тот день на перекидных и отрывных календарях, - я стоял у прилавка, перебирая в уме список заказанных мне продуктов, и невольно стал свидетелем короткой сценки, ничем, в общем-то, не примечательной, но мне почему-то запомнившейся.

Кроме меня в магазине был ещё только один мужчина с красным лицом регулярно пьющего человека, и он уже приступил к совершению своей покупки. Небрежно бросив на прилавок красную десятку с Лениным в профиль, он сказал женщине-продавцу, своей хорошей знакомой, конечно, ведь здесь все друг друга знали: «*Заверни!*». Та, безусловно, всё поняла без лишних слов, но с чувством юмора у неё было в порядке и она, взяв десятку, аккуратно завернула её в оберточную бумагу и вернула «заказчику», который сразу принял игру и, расслабленно улыбаясь, - мужики в предвкушении выпивки вообще всегда настроены благодушно, - отдал назад продавцу упакованную десятку. Только после этого она, наконец, завернула бутылку питьевого спирта по цене девять ноль девять, не забыв поздравить мужика с праздником.

В этот день возлагаются венки к памятникам советским воинам, звучат салюты. Однажды и мне довелось побывать на подобном мероприятии, на мемориале, сооружённом на месте высадки десанта советских войск на Шумшу, самом северном из Курильских островов.

День Победы на Курилах

В сезоне 77-го года полевой отряд кафедры петрографии, - я уже учился в аспирантуре, - работал на Парамушире, базируясь в Северо-Курильске в здании метеостанции, называемой всеми «Цунами». Основной её задачей было предупреждение населения острова и экипажей стоящих на рейде судов о приближающейся гигантской волне, способной смыть нижнюю часть города и выбросить суда на берег, что и произошло в ноябре 1952 года, унеся жизни сотен людей.

По тревоге все должны срочно подниматься по специально построенным лестницам, - на Курилах они называются «цунами», - на высокие террасы, образованные древними лавовыми потоками, а судам предписано уходить подальше от берега. Для проверки готовности населения к необходимым действиям иногда устраивались учебные тревоги. От одной из таких тревог и мне немного досталось, и именно на Шумшу, вскоре после празднования Дня Победы.

Сначала была церемония возложением венков с речами и автоматными залпами, употребление каши из полевой кухни, осмотр дота, амбразуру которого закрыли своей грудью дальневосточные «Матросовы» - старшина второй статьи Николай Вилков и матрос Пётр Ильичев, затем фотографирование на ржавой броне японского танка – десятка два их, как грибы-подосиновики краснели среди зелени кедрового стланика. После тряски в кузове «Урала» от мемориала до Байково я не переправился вместе со всеми через 2-й Курильский пролив на МРСе, поджидающем делегацию из Северо-Курильска, а остался порыбачить на небольшой речке Веснянке, а по-японски Беутобе. Для этого я взял с собой

снасти, палатку и всё остальное, что необходимо и достаточно для автономной жизни на реке.

Рыбалка удалась на славу. Червей для приманки я накопал на заднем дворе коровника на окраине Байково, благодаря чему клёв был отменным. Столкнулся лишь с одной проблемой, - как умудриться вырубить удилище из корявых стволов кедрового стланика. В первый вечер рыбачил вовсе без него, - просто бросал крючок с наживкой на течение. Поплавок выплывал на середину ямы и сразу нырял на глубину. Несколько секунд спустя форель или пеструшка оказывалась в моей сумке. И так повторялось раз пятьдесят в течение часа-полтора. Такую удачную рыбалку не хотелось прерывать, и только наступающая ночь заставила меня поспешить готовить ночлег.

При этом мне пришлось пережить потрясение. Едва я выбрался на высокую и ровную терраску над ручьём, показавшуюся мне удобной для постановки палатки (и оказавшуюся таковой) и приступил к оборудованию лагеря, как на меня набросились полчища мокреца. Каждая мошка сама по себе – «козявочка-букашечка» - её и не заметишь почти: кольнуло что-то слегка, о чём тут же забудешь, как о чём-то незначительном, «лёгком уколе совести», не стоящем даже полуминутного воспоминания. Совсем другое дело, когда их становится тысячи.

Обволакивающим облаком они наваливаются на свою жертву и выводят из равновесия как минимум. Животные от них спасаются на ветродуях – открытых всем ветрам сопках. Некоторые из них так и называются, становясь именем собственным, и это их наименование иногда даже переходит на карты в качестве названия геологических единиц. Один пример, по-крайней мере, я могу привести, - Ветродуйская вулcano-купольная структура в бассейне реки Черёмуховая в Приморье.

Ночью мокрец не даёт спать, приводя в состояние сначала лёгкого, а затем, по мере всё увеличивающейся длительности вынужденной бессонницы, уже тяжёлого бешенства. Чтобы не быть голословным, позволю себе образную цитату из книги В.Арсеньева «По Уссурийскому краю»: «Они проникают в раскрытые поры и жгут, как крапивой. Самое лучшее средство – терпение. Нетерпеливого человека гнус может довести до слёз». Вот так рекомендовал известный писатель-путешественник: терпеть, терпеть и терпеть, ведь Бог терпел и нам велел. У кого-то, возможно, это и получается, но у меня – нет.

Припомнилось первое поле тремя годами раньше. Меня угораздило тогда уехать без бязевых пологов, с обычной брезентовой палаткой без дна и на деревянных застёжках, куда мокрец залетал, как к себе домой. Я ещё не знал тогда, что «страшнее мошки зверя нет», а опытные старшие товарищи почему-то меня об этом не предупредили. Эта моя роковая ошибка вылилась в то, что несколько ночей подряд я, а вместе со мной студент-практикант Толя Петухов, «полуплакал-полуспал». Благо, продолжалось это недолго, с недельку: у нашего 66-го сломался задний мост (нет худа без добра, снова я должен вспомнить об этой истине), и на одном переднем мы вернулись во Владивосток, откуда через неделю я поехал уже с бязевыми пологами (марлевый не подходит – мокрец прошивает его, как иголка), и с тех пор с ними, «любимыми», уже не расставался, потому что знал наверняка, - в тайге без них я могу «проститься» со спокойной жизнью, если не «навек», то до возвращения в город, или осенних холодов - точно.

И в этом, отчётном, так сказать, году, и снова в Приморье, я испытал «удовольствие» от частого и весьма болезненного общения с мокрецом. Нет, полога я с собой взял, куда я без них, не наступать же снова на те же грабли. Вдвоём с тем же водителем того же 66-го, неподалеку от Дальнегорска, мы встали на морском побережье в ожидании появления ещё одного члена нашего отряда. Вечером к нам подошёл один из группы рыбаков, расположившихся по соседству, приехавших на мотоцикле раньше нас, и спросил, не видели ли мы по пути какую-то там машину, потом так и не появившуюся. Внутренний голос мне подсказывал, что совсем не для этого на самом деле он появлялся, уж больно вид у него был подозрительный и глаза бегающие.

К тому времени я уже как-то привык, что на Дальнем Востоке народ порядочный, и, не опасаясь за отрядное имущество, спокойно отошёл ко сну. Наутро мы не обнаружили ни рыбаков, ни баула из маленького прицепа, в котором, кроме болотных сапог, чего-то ещё, находились два полога, - на побережье мокрец не держится, мы их и не ставили. Наверное, эти рыбаки были переселенцами из западных районов, привезшими с собой привычку воровать всё, что «плохо лежит». Лежало-то наш баул на самом деле хорошо, но и это не помогло ему сохраниться.

Не думаю, что украденные вещи принесли рыбакам удачу, потому что того негатива, который был послан в их адрес в последующие дни и ночи нещадно кусаемыми гнусом нами, хватило бы на десяток «рыбаков», чтобы сделаться им глубоко несчастными людьми. Воровство, ложь, предательство, клевета, на самом деле, только на первых порах приносит какие-то дивиденды, поэтому и кажутся некоторым особям весьма привлекательными и выгодными «предприятиями». Доказательств моему утверждению превеликое множество (вспомните, хотя бы, Иуду), но число людей, совершающих эти грехи, почему-то со временем не убывает, хотя тут, возможно, я не прав, ведь не имею никакой статистики в таких вопросах.

Облепленный мокрецом острова Шумшу, я вмиг вспомнил свои былые мучения в Приморье и ужаснулся, готовя себя к многочасовому бдению у костра, ведь полог с собой я не взял, а палатка снова была легко проницаема для этого «ужасного зверя». На моё счастье, быстро понижающаяся температура окружающего воздуха вмиг загнала мокреца в траву, и он исчез так же внезапно, как появился.

Чистил рыбу я уже при свете костра, а потом ещё долго сидел около него, наблюдая за пляшущими огоньками. Не хотелось бы говорить банальностей, но всё же не удержусь, - скажу, кто ещё не знает, что смотреть на огонь в костре можно бесконечно долго, и с удовольствием, если, конечно, в этом огне не горит ваш бумажник, а вы сами не стоите привязанным к столбу подобно Джордано Бруно.

Ночью в кустах стланика трещало, но я уже был предупреждён, что медведи на Шумшу не водятся (сия информация оказалась неверной), поэтому спал спокойно. А вот на Парамушире свидеться с медведем мне и нашему сотруднику Анатолию Васильевичу Гущину уже довелось. Произошло это в маршруте во всех смыслах замечательном, но пока что только о медведе.

Мы поднимались по краевой части широкого базальтового потока на склонах вулкана Билибина. Из-за возникновения в нём полостей центральные части потока обрушились, в результате образовались две высокие параллельные гривки, - между ними лежал ледник. Мы поднимались по левой гривке, когда кто-то из нас почти под нами заметил чётко выделяющийся на белом снежнике неопознанный ползущий объект. Довольно быстро, даже не вооружёнными никакой оптикой глазами, мы рассмотрели, что это, не торопясь, куда надо было и нам, брёл большой медведь.

Чтобы спугнуть зверя, мы немного пошумели, сталкивая вниз глыбы базальта. До него явно доносились эти звуки, - он останавливался, внимательно всматриваясь в нашу сторону, но ничего подозрительного не заметив, - у медведей проблемы со зрением, - продолжал свое медленное перемещение. Если бы и мы шли с прежней скоростью, то встретились бы с ним на гривке минут через пять.

Поскольку помеха справа была у нас, по правилам дорожного движения медведь имел преимущество в пересечении перекрестка, поэтому мы сели на камушки и стали смотреть, как будут развиваться события. А делали они это сначала медленно, - Топтыгин всё так же, не спеша, забирался на гривку, и в этот самый момент, видимо, лёгкий ветерок донёс до него наш запах.

Он вдруг весь встрепенулся, кинул взгляд в нашем направлении и, - куда только делась его медлительность, - с бешеной скоростью рванул в противоположную от нас сторону. Проскочив вверх по крутому склону метров триста, он скрылся за перегибом, - вот и попробуй от такого спринтера убежать! Больше его в том маршруте мы не видели, да и

почти ничего потом из-за резко изменившейся погоды не видели, но об этом я напишу в другом, более подходящем по контексту месте.

...Весь следующий день я ходил по Веснянке с удочкой, удилице для которой с большим трудом удалось вырубить в зарослях кедрового стланика. Оно было неуклюжим и тяжёлым, и рука уставала его держать, но рыбалка была настолько увлекательной, – то и дело приходилось снимать с крючка гольцов, разогнавших всю мелочь в ямах, – что о таких неудобствах порой просто забывалось.

Иногда мимо проплывала оттаивающая икра горбуша. Уже обречённые на гибель, потрёпанные на камнях, совсем недавно мощные рыбыны из последних сил безучастно кружили вокруг, выставляя свои черные спины, на которых незаживающими язвами белели ссадины. В последние свои часы, они, наверное, вспоминали океанские просторы, на которых три года нагуливали вес. Они приплыли на родину, чтобы оставить потомство и погибнуть.

К вечеру мой рюкзак от пойманного гольца отяжелел вдвое, и мне осталось только переночевать, чтобы к восьми часам утра быть на причале в Байково, куда в восемь часов утра приходил катер из Северо-Курильска. Он привозил пассажиров оттуда и безо всяких билетов переправлял пассажиров обратно на Парамушир.

«Ты давно с Итуруна, бродяга?!»

Как я заметил ещё раньше, на вопрос, как перебраться с Парамушира на Шумшу, все в Северо-Курильске отвечали одинаково: нужно взять два ведра, вставить в них свои ноги и, переступая ими, просто перейти пролив. На шутку никто не обижался, она была совершенно безобидной и произносилась с лёгкой улыбкой. К месту сказать, что населяющие Курилы люди вообще отличаются своим спокойствием, доброжелательностью, готовностью помочь при необходимости. Как мне показалось, так они относились и к приезжим, и друг к другу.

Чтобы не быть голословным, докажу это утверждение примерами из своей жизни. Вскоре после рыбалки на Шумшу, на пассажирском теплоходе «Михаил Урицкий», совсем без денег, почти без остатка ушедших на билет до Южно-Курильска (оставаться без наличности, впрочем, было для меня не впервой, ведь и месяца не прошло, как я телеграфировал своим родителям в далекую Татарию, чтобы они срочно прислали мне пятьдесят рублей в Петропавловск-Камчатский, где я ожидал теплохода на Парамушир), я совершал перемещение на юг Курильской гряды, куда, пользуясь возможностью, наличием свободного времени и изрядной долей авантюризма, решил попасть, – просто так, по следам четырёхлетней дальности.

Моя начальница Ирина Бурикова поневоле поставила на мне эксперимент по выживаемости, почти не оставив денег, поэтому в эти дни я перешел на подножный корм, – питался пойманной на Шумшу рыбой, да произрастающими в окрестностях Северо-Курильска дикоросами, а беспроцентную ссуду на билет до Кунашира взял у нового знакомого – метеоролога Анатолия Березовского. Такое испытание, впрочем, мне, любителю экстремальных ситуаций, даже нравилось, – с честью и почти без потерь выходя из них, я потом испытывал чувство глубокого и долго не проходящего удовлетворения.

Бородатого, с жёлтым платком на шее, в штормовке и новеньком суконном берете, брошенным, видимо, беглым каторжанином и подобранным мной на какой-то реке в Приморье, меня заметила молодая женщина. Сам собою завязался разговор, – на теплоходе знакомятся особенно легко, почти как в купе вагона, – и она спросила меня, почему я не хожу в ресторан, единственное место, где можно весьма неплохо поесть, – она, оказывается, уже второй день за мной наблюдала.

Вынужден был признаться, что сильно «поиздержался в пути», в первый день питался собранной на Парамушире черникой, но сейчас и она кончилась, и теперь я вынужден соблюдать строжайший пост. Чтобы не уподобляться Хлестакову, оказавшемуся в

такой же щекотливой ситуации, и не разжигать свой аппетит, в место общественного питания я не заглядывал, глотая на палубе малокалорийный солёный ветер и слюнки при воспоминаниях о какой-либо еде.

У меня оставался, правда, рубль с мелочью, но я его берёг для телеграммы своей начальнице из Южно-Курильска в Москву, - в ней нужно было сообщить, что я прибыл именно туда, чтобы Ирина Александровна выслала мне деньги «до востребования». При нашем расставании в Северо-Курильске я ещё сам не знал, где буду высаживаться – на Итурупе, или же на уже знакомом мне Кунашире, и только «выкупая» у пассажирского помощника капитана свой паспорт, отобранный при посадке с плашкоута, решил всё-таки взять билет до знакомого уже Южно-Курильска.

Потом, правда, выяснилось, что можно было сэкономить и расплатиться только до первой остановки на Итурупе, в бухте Касатка, поскольку высаживать пассажиров там из-за нерасторопности береговых служб и принципиальности капитана «Урицкого» всё равно не пришлось. После положенной трёхчасовой стоянки на рейде он отдал распоряжение поднять якоря и двинуться дальше, на Шикотан, хотя от причала в это самое время уже отвалила десантная баржа с пассажирами, такая же, в какой сорок девять дней носило по Тихому океану Асхата Зиганшина с сослуживцами.

Унесло героических мореплавателей как раз с Итурупа. Прежде, чем отправиться в своё беспримерное плавание, их баржа стояла слева от входа в бухту Касатка, - об этом мне поведал один из пассажиров «Михаила Урицкого», и даже столб показал, к которому она была привязана. Ещё он сказал, что нашим морякам повезло, что их нашли американцы, ведь если бы это сделал наш корабль, то им вряд ли удалось бы избежать военного трибунала за халатное отношение к службе, приведшее к таким последствиям.

Наш теплоход, загудев на прощанье, уверенно двинулся к выходу из бухты. Некоторое время баржа гналась за нами, как будто желая совершить обмен пассажирами на ходу, но куда ей состязаться в скорости с океанским лайнером, - мы видели, как она развернулась и пошлёпала назад, к причалу. Можно было догадаться, какие тогда слова капитан баржи произносил в адрес нашего капитана, но ввиду их нецензурности мне вряд ли удалось бы их опубликовать.

...Узнав причину моего непосещения ресторана, Зина – так звали мою новую знакомую, - обрадовалась, что в состоянии помочь моей беде, а именно, накормить, - что может быть благороднее этого действия, - и стала приглашать меня пообедать, а затем и поужинать с нею. Поотказывавшись для приличия, я согласился, зная, какие великолепные бифштексы готовят в кухне ресторана, да и потом, - почему не сделать приятное хорошему человеку, да и себе тоже, ведь голод не тётка?

Потом, провожая меня глухой ночью, когда «Михаил Урицкий» встал на рейде Южно-Курильска, как я ни протестовал, Зина всё-таки засунула мне в карман штормовки десятку - на первое время - и дала свой адрес, но не для того, чтобы я прислал ей долг, - делать это она категорически запретила, - она попросила обязательно найти её в Северо-Курильске, когда я снова там окажусь.

Ну, а как могут радоваться курильчане при встрече со знакомыми, я тоже наблюдал, а вернее ощутил воочию, ведь этим самым «знакомым», а может даже другом, поневоле оказался сам. Это произошло уже после того, как арестованный пограничниками на Кунашире, я возвращался на материк, получив от них настоятельную рекомендацию покинуть остров на первом теплоходе. А всё потому, что вопреки предписанию перемещаться «в составе геологических или туристических групп», я всё-таки пошел в одиночку на Тяту по тихоокеанскому, свободному от погранзастав побережью, но на середине пути, на речке Филатовке, был задержан двумя замаскированными под рыбаков офицерами-пограничниками, и под их конвоем доставлен в Южно-Курильск. Среди ночи меня всё же отпустили, и снова в кромешной темноте я был вынужден ставить палатку в том самом месте, где неделей раньше уже ночевал после высадки с теплохода.

А начинался тот мой полусостоявшийся поход просто волшебю. Пройдя мимо «Чёртова пальца», - видимо среднего, оскорбительно для нас, людей, торчащего из воды, тогда как вся остальная рука оставалась ниже уровня моря, - на первом же привале в устье небольшой речки я захотел поймать рыбки на уху. На Курилах речки некрупные, им негде разбежаться, - только она началась, а через десяток-другой километров уже в солёный океан или море, если побережье западное, впадать приходится. Забросил спиннинг в надежде, что за блесну зацепится кунжа или голец, сопровождающие пришедшую на икромет горбушу и не брезгающие мелкой рыбёшкой, но сразу же получил «бороду» из спутавшейся лески.

Пока соображал, как же теперь к ней подступиться, со стороны спокойного доселе океана вдруг пришла волна и аккуратно положила к моим ногам серебристую горбушу. Она лежала на песке, безмолвно открывая рот, как будто хотела мне что-то поведать. Всё выглядело настолько сказочно, что я даже поднёс рыбину к уху в надежде услышать её просьбу отпустить обратно в синее море с твёрдыми обещаниями выполнять мои «хотения». Тогда, правда, я совершенно не знал, что мне пожелать, ведь у меня было всё: здоровье, удача, хорошее настроение, - не деньги же выпрашивать у красной рыбки, подрывая её веру в человечество.

Туристические ботинки покрепче, впрочем, попросить следовало бы, ведь мои уже стали требовать у меня каши. Только прожив ещё несколько лет, я понял, что мне тогда необходимо было пожелать у рыбки: сделать так, чтобы судьба никогда не сводила меня с людьми, способными на предательство и подлость. Выполнение этого «хотения» уже на следующий год пригодилось бы мне чрезвычайно. Выброшенная океаном горбуша, увы, оказалось простой рыбой. Зато из неё получилась великолепная уха и целая кружка икры.

На другой день я дошёл до речки Филатовки. На ней стояла артель рыбаков, среди которых и затесались два переодетых офицера-пограничника. Проверив мои документы, они убедились, что я представляю собой нарушителя границы и, как уже было сказано, был доставлен в ЮК для дальнейшего разбирательства. Кто его знает, возможно, те пограничники спасли тогда мою молодую жизнь, ведь намерение покорить вулкан у меня было твёрдое, а в одиночку в такой маршрут идти было крайне нежелательно, тем более что уже через день, когда я, наверное, был бы близок к вершине, Кунашир накрыл мощный тайфун.

Из-за этих досадных осложнений с пограничниками потом я так и не решился воспользоваться приглашением весьма симпатичной и интеллигентной, больше похожей на учительницу, рыбачки, своей землячки из Казани, с которой познакомился на пирсе в Южно-Курильском порту при отправлении с Кунашира, погостить у неё в Крабозаводске. К тому времени, правда, у меня вновь были проблемы с деньгами, - присланных их из Москвы хватило ненадолго, оставалось ровно на билет до Владивостока, - но они, эти проблемы, были вполне решаемы, и только конфликт с пограничниками остановил меня от того, чтобы я ринулся в гущу новых приключений, теперь уже на Малой Курильской гряде, поэтому я лишь помахал своей новой знакомой рукой сверху с палубы, когда тёмной ночью за ней и другими шикотанцами пришёл плашкоут.

Утром следующего дня заглянул в ресторан. Деньги на еду у меня ещё оставались, - с самого начала, ещё собираясь всё-таки высадиться на Шикотане, я взял билет только до этого острова, сэкономив, таким образом, значительную по тем временам сумму. Остальной путь в так называемом "авиасалоне", где никто билетов не проверял, я благополучно преодолел "зайцем"- жить три дня до Владивостока без приёма пищи мне совсем не хотелось, а рассчитывать ещё на одну «Зину» было бы опрометчиво. Увидев, что ресторан полон, вышел на палубу и, облокотившись на поручни, стал наблюдать, как океанские волны стремительно убегают назад. Вдруг меня несильно ударили по плечу, я обернулся ... и сразу попал в объятия здорового бородатого мужика.

Он хлопал меня по спине, только что не целовал, как генерал Чернота - Михаил Ульянов в «Беге» в сцене его встречи с банкиром Корзухиным - Евгением Евстигнеевым,

и мне ничего не оставалось, как тоже делать то же самое. Позади него приветливо улыбалась молодая женщина, и в голове у меня мелькнула приятная мысль, что после того, как я закончу обниматься с бородачом, мне предстоит объятия и с ней тоже. Потом он всё же оторвался от меня и радостно завопил: *«Ты давно с Итурупа, бродяга?!»*.

На «бродягу» я не обиделся, - тут он попал в самую точку, но вынужден был признаться, что на Итурупе пока ещё ни разу не побывал, хотя и собирался. Бородач отпрянул от меня в изумлении, взглянул внимательнее и произнёс с чувством, обращаясь одновременно ко мне и продолжающей улыбаться женщине, до объятий с которой дело у меня, к сожалению, так и не дошло: *«Но как же похож!»*. Мы посмеялись вместе, и они ушли, оглядываясь и улыбаясь. Было необыкновенно приятно, что я похож на неизвестного мне человека, встрече с которым так радовались эти симпатичные люди.

Возвращаясь же к факту «узнавания» меня незнакомым человеком хочется добавить, что в том году оно уже было вторым по счёту. Первое состоялось на противоположном конце Союза, в Закарпатье, где в качестве руководителя я путешествовал с группой студентов, использующих свои зимние каникулы для повышения своего профессионального уровня. Такие поездки всегда практиковались на геофаке МГУ, - студентом я проехал по месторождениям и городам Урала, Кавказа, Кольского полуострова и Карелии, а аспирантом, уже в качестве руководителя, - по Западной Украине и Средней Азии.

После посещения Львова, месторождений серы в Новом Роздоле и калийных солей в Стебнике, перевалив через Карпаты, мы спускались тогда в Солотвино, на месторождение каменной соли. Предыдущая ночевка на вокзале в Яремче у нас была бессонной, поэтому я задремал на своем сидении в уютном «ПАЗике». Остальное мне поведали студенты.

Вдруг, - рассказывали они, - меня стал расталкивать какой-то усатый мужик деревенского вида. Стережущие мой сон студенты спросили, что ему от меня надо, на что он ответил, что я из его деревни и у него ко мне важное дело. Надо здесь сказать, что тогда я тоже носил длинные обвислые усы, поэтому не удивительно, что в Закарпатье меня часто признавали своим, иногда приходилось говорить обратившимся ко мне людям, что я их не понимаю. Лишь после данного мужику объяснения, что я никакой не гуцульский крестьянин, а аспирант геологического факультета МГУ, он, присмотревшись, только с западно-украинским акцентом, произнёс ту же фразу: *«Но как же похож!»*.

Цунами

...Снова оказавшись у своей палатки на острове Шумшу, погружающемся в ночные сентябрьские сумерки, сообщу, что на следующий день мне нужно было обязательно переправиться в Северо-Курильск, потому что вечером ожидался теплоход, на котором отправлялись на материк И.Бурикова и А.Гущин, и мне нужно было достойно их проводить.

С вечера, едва я успел закончить трапезничать у костра, - в меню ужина, разумеется, опять была только рыба, - погода начала быстро портиться, а ночью по крыше палатки зашуршал дождь, не прекратившийся и утром. Он был несильным, но, когда я, кое-как свернув мокрую палатку, двинулся в сторону Байково, дождь сразу вымочил меня сверху, а высокая, местами по пояс, трава напитала влагой нижнюю часть - брюки и ботинки. Когда я появился в Байково, из одежды у меня была лишь одна сухая вещь - запасные носки, лежащие в непромокаемом пакете.

На берегу дул холодный, пронзительный ветер, и спрятаться от него можно было только за стеной портового склада. В ожидании катера там уже стояли несколько охотников, - это их выстрелы, похожие издали на удары молотком по доскам, я слышал весь день накануне из своего лагеря, будто дачу строили в отдалении. Ветер всё усиливался, пролив был забит стадами крупных белых барашков, и не верилось, что в такую погоду за нами придут.

Когда я продрог окончательно, катер всё-таки пришел. По качающемуся трапу мы взошли на него и спустились в кубрик. Там было тепло и уютно. Сел поближе к обогревателю, блаженно расслабился. Не прошло и пяти минут, однако, как к нам спустился матрос с пренеприятнейшим известием: по радиации получено предупреждение, что на острова идёт цунами, поэтому судно уходит в открытое море, подальше от губительного в этой ситуации берега. Нам же предложили незамедлительно сойти с борта, что и было нами сделано с большой неохотой, ведь мы уже почувствовали большую разницу между пребыванием в кубрике и под открытым небом. На наше удачу, дождь снаружи прекратился, в разрывы туч стало проглядывать солнце.

Вместе с охотниками поднялись повыше и сели на ступеньки магазина, откуда была хорошо видна акватория пролива, - незамеченным цунами не осталось бы. Пребывание в тепле кубрика, хоть и недолгое, оказало благотворное воздействие, - мои зубы перестали колотиться друг о друга.

Как охотники и предполагали, - к некоторому моему тайному, и одновременно преступному сожалению, - тревога оказалась учебной, и через два часа катер вернулся, забрал нас, уже совсем согревшихся и просохших, и по всё еще волнующемуся проливу переправил в Северо-Курильск. Маленькое судёнышко швыряло, как щепку, но стоять на его палубе доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие. Анатолий Гуцин говорил мне потом, что он видел наш катер с берега, и ему было страшно на него смотреть, - казалось, что после очередного нырка в океанскую волну, ему уже ни за что не выплыть.

После поездки на Шумшу и проводов моих компаньонов по работе на Парамушире, я ещё пять дней ждал теплохода "Михаил Урицкий", следующего по островам на юг. За это время ходил на базальтовое плато, оборудованном японцами под аэродром бомбардировочной авиации, а также в кратер вулкана Эбеко, где едва не отравился сероводородом, подойдя слишком близко к действующей фумароле, чтобы покрупнее её сфотографировать, - ветер вдруг сменился, и я оказался в облаке ядовитого газа. Всё же, один вдох успел сделать, и потом полчаса откашливался, приходя в себя, - вдохни я во второй раз, то писать эти строки было бы уже некому.

«Дом на отливе»

...И вот я снова был на Кунашире, шёл с рюкзаком по улице «Имени 3 сентября» в полную неизвестность, но азарт уже проснулся во мне, и не терпелось «сразиться» с неблагоприятными обстоятельствами, чтобы снова выйти в этой борьбе победителем.

Дополняя же коллекцию названий «датских» улиц, посвящённых значительным датам, уведшую меня в столь длинный экскурс в историю, сообщу ещё несколько. Алеутская улица во Владивостоке, пока ей не вернули первоначальное название, долгое время именовалась улицей «25-го октября». Названа она так была не по поводу очередного юбилея «Великого Октября», пришедшегося на военный 42- год, а в честь самой даты, - именно 25 октября 1923 года, взяв столицу Приморья, «...на Тихом океане свой закончили поход...» красные партизанские отряды, по учинённым на Дальнем Востоке зверствам не уступающие современным бандитам всех мастей.

Если же вы приедете во Владивосток не на поезде, а на автомобиле или экологически чистом транспорте - велосипеде, то первым делом попадёте на проспект «Имени 100-летия» города. Есть и такая остановка общественного транспорта, про которую был сочинён римейк по мотивам старой песни, рефрен которой: «Хмуриться не надо, Лада». В римейке же были такие слова: «Нам «Столетье» не преграда – нам на «Постышева» надо!».

Теперь, наверное, забытый его смысл был весьма глубоким. Если ехать по проспекту на общественном транспорте по направлению от центра, на следующей после «Столетия» остановке, названной в честь героя гражданской войны Постышева, находился единственный тогда пивной бар, - строение, больше похожее на бомбоубежище. В нём всегда был аншлаг, ведь до пивного изобилия, наступившего с приходом капитализма в России,

было ещё добрых два десятка лет, поэтому пьющему населению Владивостока на «Постышева» иногда было очень «надо». Полагаю, что пива сейчас и на «Столетия» хоть залейся, поэтому римейк потерял свою актуальность.

Продолжу, однако, тему. В южноуральском городе Миассе есть улица имени «8-го июля» – в этот день в 1944 году был выпущен первый автомобиль на «Уралазе», производимые знаменитые и пока незаменимые «Уралы». Если же выйти за рубежи нашей Родины и даже материка, то можно упомянуть улицу в Лиме, столице Перу, которая носит имя «2 мая», - всего на один день позже, чем наши многочисленные «первомайские» улицы.

...Вдоль улицы имени «Дальневосточной Победы», самой длинной в Южно-Курильске, тянутся деревянные тротуары. Сначала дома идут по обеим сторонам, потом слева остается только океан. В песчаный берег вросли остовы выброшенных штормами судов, когда-то бороздивших океанские просторы, на пляже валяются ракушки, бурые «полиэтиленовые» ленты морской капусты, волшебным образом пахнет морем и свободой.

Вот, наконец, и цель моего путешествия: «Дом на отливе», известный всем вулканологам страны. В нём располагается стационар лаборатории биологии вулканизма Сахалинского КНИИ, руководимой доктором наук Е. К. Мархининым, - с ним мы познакомились в кальдере Головина ещё в далёком 73-м году. Этот дом давал мне приют в первые два приезда на Кунашир, поэтому рассчитываю найти его снова.

За деревянным забором из штакетника открылся большой двор, слева – грядки, справа – лужайка, удобная для постановки палаток приезжающих на Кунашир экспедиций, и высокий «вигвам», в глубине сам дом. Зашёл в него, постучав. Похоже, он никогда не запирался на замок, – внутри пусто, хотя дом явно обитаем, – на деревянном топчане лежал расстеленный спальный мешок.

Поставил в уголке свой рюкзак, вышел на улицу. Метрах в двадцати пяти волны лизали гладкий пляж и металлический корпус рыболовецкой шхуны с иероглифами на борту. По некоторым признакам заметно, что в шторма они добежали до забора и даже заскакивали во двор.

Не теряя времени, двинулся в сторону Горячего Пляжа, посёлка пограничного отряда, – там мне нужно было получить разрешение на перемещение по острову. Надо сказать, что ещё за пару месяцев до появления в Южно-Курильске, я отправлял соответствующее письмо в Управление пограничного округа во Владивостоке, и потом долго ждал, пока «таможня даст добро» на работы на Кунашире.

Через пару домов посёлок закончился, и я бодро зашагал, почти не оставляя отпечатков протекторов своих туристических ботинок на идеально ровном «курильском асфальте» - спрессованном песке, остающемся на широком отливе после временного отступления океана. Машины на нём развивают бешеную скорость, а океанские волны за один накат смывают едва заметную ёлочку от колес. В километре от посёлка навстречу попался бредущий по отливу кришнаит, предложивший мне купить что-нибудь из его набора буддистских книг, - и это на самом краю Света! Я вежливо отказался, сославшись на свою перегруженность. Вскоре после этого меня подобрал попутный грузовик и скоро я оказался у проходной отряда.

Ознакомившись с имеющимися у меня документами, часовой куда-то позвонил и, положив телефонную трубку, направил в отдел пропусков. Там после некоторого ожидания в приёмной, у майора я узнал, что Сывороткин с ещё двумя сотрудниками находится в районе мыса Прасолова в посёлке геологов, разведывающих золоторудное месторождение. Мне тоже нужно было туда попадать, и посёлок Рудный был внесён в маршрут моего передвижения по острову.

Выйдя за пределы отряда, по давно знакомому пути мимо горячих полуразрушенных японских императорских ванн, прошёл к устью Лечебного ручья. Почти два десятилетия назад там стоял только большой железный бак с проведённой в него железной трубой, - из неё текла горячая вода, поднимающаяся из раскаленных глубин вулкана Менделеева. Наш лагерь стоял чуть выше по ручью, и мы каждый вечер приходили сюда «поле-

читься». В 77-м здесь уже были оборудованы маленькие бассейны, а теперь располагался целый санаторий с двумя большими бассейнами под крышей и ещё несколькими ванночками под открытым небом. Санаторий назывался «Тятя», хотя до расположенного на севере Кунашира одноимённого вулкана отсюда было добрых семьдесят километров.

Пока я наслаждался японской баней, на поляну рядом с санаторием, у самой кромки океана, - так, что солёные брызги долетали до его резиновых колес, - сел оранжевый вертолёт «Ми-8», и его пилоты тоже присоединились ко мне. Я спросил, не «подбросят» ли они меня до Южно-Курильска, но оказалось, что они жили в санатории, и полёты на сегодня закончили. На этом вертолёте геофизик с Сахалина Злобин летал по вулканам для постановки сейсмостанций, выявляющих динамику мелких землетрясений, которые нередки на Курилах, подтверждением чему стало Южно-Курильское землетрясение 94-го года. Боюсь, что оно разрушило этот санаторий у подножия вулкана Менделеева, - возможности кого-нибудь спросить о его судьбе мне до сих пор не представилось.

Вскоре к санаторию подъехала вахтовка, следующая в Южно-Курильск, - с ней я и вернулся в Мархининский дом. За время моего отсутствия там, наконец, появились люди – Валерий и Олег. Первый оказался работником лаборатории – он выполнял функции охранника стационара. Вместе с женой он жил в соседнем доме, и возделанные грядки было их рук делом.

Олег же приехал в командировку из Санкт-Петербурга. Он был биологом и небезуспешно занимался исследованиями основы живой материи – аминокислот, обнаруженных в продуктах извержения вулканов. Исследования по поиску в них признаков жизни, ещё в начале семидесятых годов, начал сам Евгений Константинович, а теперь он руководил ими с черноморского побережья Кавказа, из Туапсе, где, проводя международные симпозиумы по разным проблемам науки, он жил после своих многочисленных экспедиций на вулканы Курил и Камчатки.

Олег жил в «вигваме», где предложил остановиться и мне, узнав о моих проблемах. Оставив их решение на завтра, я расстелил свой спальник на топчане, а затем мы выпили за знакомство его припахивающего духами спирта - Олег объяснил этот феномен тем, что спирт заливали в посуду, не промытую после содержания в ней какого-то эфира. Когда совсем стемнело, он вдруг предложил сходить за рыбой. Я удивился, конечно, но, захватив фонарик, пошёл за ним по отливу, обнажившим идеально ровный пляж.

В полукилометре от южной оконечности Южно-Курильска в океан впадает небольшой ручей. Если воды в ручье мало, то в отлив она, просачиваясь в песок, уже не доходит до океана. Идущая на нерест горбуша, застигнутая врасплох стремительным отливом, не успевает вернуться в родную стихию, а остаётся беспомощно лежать на песке. Так было и сейчас. Она была ещё жива, но до следующего прилива станет добычей ворон. Мы взяли несколько рыбин с икрой, остальных выбросили в морскую воду дожидаться прилива

Вернулись с добычей назад, сделали икру-пятиминутку, - получилась неплохая закуска. В голове шумело от выпитого спирта, в нескольких десятках метров, ударяясь о корпус выброшенной на берег шхуны, шумели океанские волны, - было хорошо и уютно, засыпая в деревянном "вигваме", слушать эти звуки.

Наутро мне было худо, - видимо, попавшие в спирт частицы эфира не благоприятствовали хорошему самочувствию. Тем не менее, с самого утра я приступил к подготовке к переходу. Понадобилось ещё оформить пропуск в Южно-Курильский заповедник, поскольку золотое рудопоявление находилось на его территории. Чтобы добраться до места, сначала по тихоокеанскому побережью нужно было доехать до рыбалки в устье ручья Винай в 15-ти километрах от ЮК, затем пересечь остров с выходом на охотский берег на заставу Назарово и пройти ещё километров пятнадцать на север.

Всё это я выяснил, и на следующий день пустился в путь. Как и предполагалось, до Виная я быстро добрался с рыбаками, а дальше мог рассчитывать только на свои ноги.

Сначала полубовался на кучу новеньких танковых башен, доставленных на Кунашир для устрашения японцев, не желающих оказаться от идеи вернуть себе Южные Кури-

лы, затем, закинув рюкзак на плечи, зашагал на запад. Дорога шла вверх по левому борту Виная, иногда подходила вплотную к нему и тогда в нём в разные стороны бросалась всё ещё осторожная горбуша, которая сплошным потоком шла на нерест. Уже выполнившая свой долг по продолжению рода, с выклеванными глазами она валом лежала и на берегах. Воздух от гниющей рыбы был далеко не первой свежести.

Почти на перевале, на мягком грунте вдруг увидел свежие следы медведей, большого и маленького. Встреча медведицы с медвежонком была для меня более чем нежелательна, ведь из оружия у меня был только складной нож, маленький топорик и геологический молоток, что, конечно, не могло считаться достаточным для самообороны. При обилии рыбы в реке, правда, медведица наверняка была сыта, но всё мог испортить медвежон, если из-за своего детского любопытства он вдруг пожелал бы со мной познакомиться.

Чтобы отпугнуть медведей, громко запел, - так и шёл "с песней по жизни", пока не показалась застава, где прямо на въезде встретился с офицером на коне. Он проверил документы, сказав, что им обо мне уже сообщено, спросил, нужно ли мне что-нибудь, а потом приказал одному из пограничников отвести меня в столовую. Пока обедал, один из пограничников на работающем дизеле просушил мою мокрую от пота рубашку и штормовку.

Едва вышел с заставы и тронулся по берегу моря на северо-восток, начался мелкий моросящий дождь. Пограничники объяснили, что километра через три будет прижим, называемый ими «Верёвка», который нужно перелезть по привязанному канату. До него шёл не меньше часа, дорога была не из легких, - приходилось прыгать по круглым, обточенным штормами валунам. По левую руку, за пеленой моросящего дождя проглядывал японский берег – полуостров Сиретоко, северная оконечность Хоккайдо.

Преодолевать прижим пришлось в два приёма – сначала забираться самому, потом поднимать тяжёлый рюкзак – для этого пригодился захваченный «на всякий пожарный» длинный капроновый фал. Обогнув несколько мысов, прошёл ещё километров пять. Последний мыс, далеко выдающийся в море и представляющий собой нагромождение базальтовых глыб, тоже пришлось перелезть поверху, а потом кидать вниз рюкзак и прыгать самому на крупногалечный пляж у самой кромки шипящих волн. Было время прилива, но я всё ещё надеялся пройти несколько мысов до озера Валентина, где стояла артель рыбаков, - там можно было отдохнуть и обсушиться. Уже вечерело, но по моим расчетам я должен был успеть. Мелкий моросящий дождь - бус - тем временем не прекращался ни на минуту.

Проходя мимо отвесного берега перед ручьём, впадающем в море посередине бухты, обратил внимание на высокий грот в крутом базальтовом обрыве и отметил про себя, что в нём можно было бы и переночевать, разложив костер в центре, как это делали пещерные люди. Всё же желание попасть в тепло к людям оказалось сильнее желания романтической ночёвки, и, по камушкам перейдя ручей, направился к правому мысу. Об него бились волны, и пройти его на видимом пространстве можно было только по скале, цепляясь за выступы.

Здравый смысл подсказывал, что нужно отступить, но я всё же решил попробовать. Уже метров через десять очередная волна попыталась слизнуть меня со скалы, и это ей почти удалось: я соскользнул вниз, но, окунувшись по пояс в холодную воду, руками и ногами приостановил процесс своего погружения в пучину морскую. Выбравшись с трудом на исходную позицию, осторожно вернулся назад. Дождь тем временем разошёлся не на шутку, и скоро верхняя часть меня, ещё остававшаяся более или менее сухой, тоже сделалась мокрой. Положение становилось отчаянным.

Выход нашёлся и на этот раз. Сразу вспомнил о гроте и, не разбирая дороги, вброд через ручей, – всё на мне и без того было мокрым, - кинулся к нему. Зубы выбивали барабанную дробь, - купание в море под сентябрьским дождем даже на Южных Курилах не способствует согреванию живого человеческого тела.

В гроте, – он вдавался в скалу метра на четыре, – меня ждало приятное открытие: на ровном мелком песочке лежал хорошо просушенный плавник, заброшенный сюда сильными штормами. Сложил шалашиком мелкие палочки, достал фляжку со спиртом, щедро плеснул на них, и трясущимися от озноба руками чиркнул спичкой, – два коробка лежали у меня в рюкзаке, для профилактики намокания завернутыми в полиэтиленовый пакет. Пламя тут же ухватилось за дрова, чтобы уже не выпускать их из своих горячих лап. Другого рода кончина, ещё более мучительная, чем через утопление – от переохлаждения, – теперь мне явно не грозила. Как когда-то от Василия Тёркина, и от меня тоже, «...вздыхнув, отстала Смерть».

Разложил костёр, и, немного согревшись, с подобранным тут же двухлитровым тетрапаком с иероглифами на боках, под морозящим дождём, подсвечивая фонариком, пошёл на ручей за водой для чая.

Вернувшись в сухой и тёплый грот, в походной кружке развёл немного спирту и принял, теперь уже для внутреннего согревания. Разлившееся по всему телу тепло разбудило, наконец, чувство комфорта. Переоделся во всё сухое, мокрые тряпочки разложил для просушки, поставил на костёр вариться гречневую кашу, затем открыл для неё, а также для холодной закуски банку тушёнки, ещё развёл спирту, и только потом, умиротворённый, сел у костра.

Непогода снаружи разыгралась не на шутку, – разгулявшиеся волны в непроглядной тьме шуршали тоннами гальки, но в мой грот ветер и дождь не залетали. Не припомню, чтобы я был когда-либо так счастлив, когда, произнеся вслух тост за своё спасение, позволил проникнуть внутрь ещё одной дозе спирта и хорошему куску тушёного мяса вслед за ним. Страшно было представить свои ощущения, если бы геологические процессы не образовали этот спасительный для меня грот, ведь на Кунашир обрушился тайфун. Со мной, конечно, была палатка, и я мог бы её поставить, но как под непрекращающимся дождем я развел бы костёр, ведь дрова в таких условиях напрочь утрачивают свои горючие свойства?

Дальневосточные тайфуны

Сидя в уютном тепле от костра и слушая завывание ветра, я вспомнил две первые экспедиции на Курилы, – и тогда мне дважды пришлось пережить разгул стихии.

В первый раз это было у подножия внутреннего конуса Тяти. Компанию шести членам нашего геологического отряда, поимённый список которых был мной уже приведен, там составляли пять человек группы центрального телевидения, снимавшие фильм для клуба путешественников. Главными действующими лицами в нём, разумеется, стали все мы. Оператор Валерий Меньшов поразил меня тогда, предсказав переворот в Чили. Вначале я даже не придал значение этим его словам.

Когда же мы спустились с вулкана и пришли на брошенную из-за извержения вулкана заставу Урвитово, откуда через пролив Екатерины хорошо просматривался ещё один необыкновенно красивый вулкан Атсонопури на Итурупе, нас радушно встретили там пограничники, прилетевшие сюда на заготовку икры. Они до отвала накормили нас всякими морепродуктами, – икра, разумеется, тоже была и в большом избытке. И, когда мы, наконец, престали жевать, и захотелось поговорить, тот же Меньшов задал такой вопрос пограничнику, который метал нам блюда на стол: «А скажи-ка ты, служивый, что в мире делается?» Ответом было вот что: « В Чили государственный переворот, к власти пришёл генерал Пиночет».

...Тогда тоже стоял сентябрь (эта информация, впрочем, излишня, коли, о перевороте в Чили речь зашла) – самое тайфунное время на Курилах. В одну из ночей он и не замедлил со своим появлением.

Наш лагерь стоял у подножия лавового потока последнего извержения перед нынешним, произошедшего в год нашествия Наполеона на Россию. Тринадцатилетний Пуш-

кин, если бы годика на два покинул свой лицей и стал бы юнгой на шлюпе «Диана» под командованием Василия Головнина, смог бы созерцать его воочию и написать потом поэму, разумеется гениальную, с рабочим названием: «К извержению вулкана Тятя-Яма».

Ураганный ветер поднялся сразу после полуночи, едва мы разбрелись по своим палаткам. Обычно тайфуны приходят внезапно. Так случилось и на этот раз: лёгкий бриз вдруг превратился в северный порывистый ветер с дождём. Мы вылезли из палатки, укрепили растяжки, нырнули назад в тепло и сухость своих пуховых спальников и под завывание ветра уснули.

Пробудился я через пару часов от чувства дискомфорта, какого не испытывал, наверное, с младенчества, потому что лежал в луже воды. Порывами ураганного ветра насквозь промокшую стенку палатки крепко прижало ко мне, - это я ощутил руками, а потом и увидел, когда зажёл свечку, стоящую в изголовье. Совершенно сухой Джон, которого я закрыл от дождя грудью и другими частями своего тела, мирно почивал у другой стороны палатки.

Выбравшись из мешка, достал из рюкзака оставшиеся сухими вещи, - те, что я положил под голову, тоже промокли, - надел их на себя, свернул кучей спальник, сел на него, как на маленький кусочек суши и - пригорюнился. Стало неуютно и тоскливо, как на необитаемом острове, лишь быстро таявшая свечка скрашивала моё одиночество, - сладко спящий Джон был не в счёт.

Вдруг мой взгляд остановился на кармане, пришитом к задней стенке палатки, который оттопыривался под тяжестью наполнившей его до краев дождевой воды, - она уже переливалась к моему изголовью. Но не вода меня заинтересовала, её и без того хватало. Из кармана торчали горлышки двух бутылок – четвертинки и поллитровки.

Первая, уже наполовину опорожненная, содержала белую, похожую на кефир жидкость, которую мне прописали в медпункте Южно-Курильска для лечения результата соприкосновения с иприткой. Наши маршруты на Кунашире обычно проходили по берегу моря, потому что в заросли бамбука, покрывающего склоны гор, лезть было бесполезно. Незадолго перед возвращением в ЮК, откуда мы потом на вертолёте вылетали к подножию Тяти, в одном из маршрутов, одетый в одни только плавки, я поднялся за образцами к возвышающейся в зарослях скале, а к вечеру бедро у меня покрылось волдырями, происхождение которых всем нам было непонятно.

В медпункте врач спросила меня сразу, - не заходил ли я обнажённым в лес, не валялся ли там с кем-нибудь в таком виде на травушке-муравушке, и, услышав утвердительный ответ, успокоила, что это не малярия, а всего лишь ожог лианой под названием ипритка (почему не фосгенка, или заринка?), - выписала рецепт на «панацею» из аптеки, а также порекомендовала принимать морские ванны или искупаться в серных источниках на Горячем Пляже.

Решил лечиться комплексно, мазал ожоги «кефиром» и пару раз в день погружался по пояс в океан, благо он плескался в нескольких десятках метров от наших палаток, поставленных во дворе «дома на отливе». Воздух и вода были довольно прохладными, поэтому я заходил в океан прямо в телогрейке, придерживая её за полы, чтобы не замочить. Дно понижалось медленно, поэтому идти приходилось довольно далеко.

Мои товарищи по-доброму потешались над такой экзотической картиной. Я не обращал на это внимания - чего не сделаешь, чтобы не болеть, а в конкретном случае, - не ходить по посёлку и не чесать непрерывно свою «пятую точку», - помимо других неудобств, это неприлично, наконец. А перед самым отлётом, в погранотряде я искупался и в сернистых, «офицерских» ванночках, выложенных гладким кафелем. Эти-то процедуры, похоже, лучше всех помогли, потому что сразу после них ожоги стали быстро заживать, но белую «панацею» я так и носил с собой на случай рецидива или нового соприкосновения с коварной лианой.

...Нынешней же бурной ночью меня больше интересовала другая бутылка, запечатанная алюминиевой крышкой, под которой находилась «огненная вода» – коллективная собственность, взятая нами в качестве лекарства от всех болезней.

Некоторое время меня мучили сомнения, потом я решил, что ввиду экстремальности ситуации общество простит меня за несанкционированное вскрытие сосуда, ведь я собирался использовать содержимое по его самому прямому назначению – профилактики заболевания. Достал бутылку, оставив плавать в дождевой воде отклеившуюся этикетку с надписью: «Спирт этиловый питьевой, крепость 96%, цена 9 руб. без стоимости посуды», решительно сорвал крышку, сделал добрый глоток прямо из горлышка, и, за неимением содовой, запил прямо из кармана.

С питьевой водой на вулкане у нас были проблемы. Ей негде здесь накапливаться (кроме как, - это только что выяснилось, - в углублении прямо подо мной и в кармане брезентовой палатки), - безвозвратно теряясь, она просачивается сквозь вулканический шлак. Нужно было ходить на сохранившийся ещё с прошлой зимы снежник, набивать снегом чехлы от спальников и нести в лагерь, - там его мы топили на костре (за топливом для костра – кедровым стлаником – мы отправлялись ещё дальше, на склоны вулкана). Талую воду мы и использовали для своих нужд. От очень тонкого пепла, невидимого невооружённым глазом, она становилась похожей на слабые чернила, а её вкус почему-то сильно напоминал фруктовый компот, – до сих пор не объяснённый наукой феномен.

...Едва первая доза спирта была выпита, я почувствовал себя значительно лучше. Минут через пять повторил эту процедуру, после чего моё настроение за очень короткое время поднялось на необыкновенную высоту, в соответствии с высотой нашего лагеря над уровнем совсем близкого моря, а точнее двух морей, одно из которых Тихий океан, - около 1400 метров. Всё чудесным образом переменялось, - завывание тайфуна за стеной теперь лишь добавляло дальневосточный колорит в моё ночное бдение. Немного посидел со скрещёнными по-турецки ногами. Джон по-прежнему спал, его не разбудили даже несколько песен, спетых мной вполголоса. Потом и я задремал в таком весьма неудобном положении.

Проснулся, когда уже было светло и тихо. Выглянул наружу и с удивлением увидел, что на уже поголубевшем небе - ни облачка. Тогда я ещё не знал, что, словно мифический циклоп, тайфун имеет «глаз», - его центральная часть. Даже когда ураганный ветер на краях гигантского вращающегося волчка крушит всё на своем пути, хлещет полосатый ливень, в его середине – чистое небо и полный штиль.

Выбрался на мокрые камешки, с трудом поднялся на затёкшие ноги. Делать было нечего и, чтобы взглянуть на мир с высоты, решил сбегать на край кальдеры. Тятя представляет собой сооружение типа «вулкан в вулкане», - в середине ровный центральный конус, затем кальдера, - окружающая его широким кольцом плоская площадка с несколькими приподнятыми краями, и, наконец, крутые склоны внешнего вулкана.

Скоро я уже стоял на невысоком гребне, круто обрывающемся к океану, по которому в лёгкой дымке, будто гигантский корабль, «плыл» остров Шикотан. Уже оторвавшись от линии горизонта, солнце начало свой путь по небосклону. Полубовался на открывающиеся виды, - как на ладони был виден путь нашего восхождения на вулкан и ещё один, уже обследованный нами, так называемый «паразитический» конус, из которого происходило недавнее извержение.

Когда через полчаса я вернулся в лагерь, с голубым небом было покончено, - почти мгновенная конденсация паров воды утопила крошечным туманом центральный конус, а вместе с ним наш лагерь, снова подул сильный ветер. Тайфун, правда, уже заметно ослабевший, продолжался.

Второй раз меня и А.В.Гущина он застал четыре года спустя на Парамушире, в том самом маршруте, когда мы наблюдали за топающим по снежнику медведем. Через пару часов после этой встречи, когда мы, вслед за Топтыгиным пройдя по узкому краю кратера вулкана Билибина и преодолев заполненное снежниками пространство до вулкана Вер-

надского, уже работали там, внезапно налетел сбивающий с ног ураганный ветер. На голове Анатолия Васильевича была надета легкомысленная матерчатая бейсболка, и он шёл, закрываясь рукой от бешеного ветра, пока я не вспомнил, что у запасливого меня, - два капюшона, один из которых – на штормовке – легко отстёгивался.

Видимость не превышала десятка метров, все снежники как близнецы-братья, ориентиров никаких, а нам нужно было в этой круговерти искать свой лагерь. Василий Анатольевич потом признался, что он уже был уверен, что нам – крышка, потому что стало очень холодно, руки заоченели, и перспектива загнуться от переохлаждения, была вполне реальна. Но я уже тогда, в свои двадцать пять годков наверняка знал, - безвыходных положений не бывает.

Несколько позже, здесь же, на Парамушире, в подобную ситуацию, и тоже в маршруте, попал профессор геофака МГУ Владимир Тихонович Фролов. Их маршрутную пару вообще разметало тайфуном, его напарник к вечеру сумел выйти на лагерь, а он, заблудившись, чтобы не замёрзнуть, всю ночь копал яму в вулканическом шлаке. Володя Сывороткин мне как-то рассказывал, что когда Владимир Тихонович на другой день пришёл в лагерь, то из-за перенесённого потрясения, - он тоже, видимо, мысленно расставался с жизнью на протяжении многих часов, - поначалу потерял дар речи.

Природа на Курильских островах сурова. В Северо-Курильске мне рассказывали, что как-то зимой из областного центра к ним приехали два инспектора на предмет урезания каких-то льгот. К вечеру началась метель, и их оставляли в здании администрации её переждать, но они решили дойти до гостиницы, и в условиях нулевой видимости, - в таких условиях по натянутым верёвкам ходят, - вышли за пределы посёлка и потом их нашли замёрзшими в снегу в нескольких километрах от жилья. Дома там строятся так, чтобы зимой, когда снегу намывает по самые наличники, наружу можно было выходить через крышу.

...Только внутреннее чутьё вывело нас с Гушиным из этой бушующей стихии к месту нашей ночёвки в старой хижине. Когда-то очень давно в ней жили буровики, разведывающие рудопроявление серы, - буровые трубы валялись поблизости. Хижина была без двери, - вместо неё мы приспособили тяжеленный щит, приваливая его к дверному проёму. При нашем появлении, остававшаяся там возбуждённая предыдущими событиями И.Бурикова рассказала, что эта «дверь» чуть было её не раздавила, когда мощным порывом ветра её опрокинуло и она «просвистела» в нескольких сантиметрах от наклонившейся в этот момент Ириной Александровны. Вес этой «двери» я уже оценил, поэтому страшно было представить последствия, если бы она «не промахнулась».

Много бедствий приносят тайфуны дальневосточным государствам, - Японии, Филиппинам, Корею, - разрушают строения, дороги, нередко гибнут люди, но однажды, наоборот, они же помогли избежать порабощения Японии чужеземцами. Произошло это в эпоху татаро-монгольских завоеваний, когда сотни кораблей, нагруженные вооружённым до зубов монгольским войском, подошли к берегам слабого в военном отношении островного государства. И тогда случился сильнейший тайфун, который разметал деревянные судёнышки как щепки. Точно так же закончилась и вторая попытка монголов высадиться на островах, после чего они отказались от идеи завоевать Японию.

Благодарные японцы этим тайфунам дали название «камикадзе» – «ветер богов». Во время второй мировой его вспомнили и присвоили лётчикам-смертникам, но на этот раз камикадзе не помог – Япония проиграла войну.

...Приятно было вспоминать о своих приключениях, сидя у жаркого костра под защитой многометровых скал. Второй раз за день меня потянуло на песни, не хватало только гитары и кого-нибудь из друзей, пришлось петь под аккомпанемент завывающего ветра.

Дров было достаточно, и я просидел у горящего костра часа три, просушил всё, что успело намокнуть, и уже собрался ставить палатку, благо высота грота позволяла это, как вдруг обратил внимание, что совсем не слышу шума прибоя. Вышел на воздух и обнару-

жил море отступившим метров на тридцать и совершенно спокойным. Дождь тоже прекратился, на небе высыпали звезды, повис фонарь полной луны. Это был «глаз тайфуна». Хоть и было близко к полуночи, я решил воспользоваться отливом и окном в непогоде.

Быстро собрал рюкзак, пошарил лучом фонарика, - не оставил ли чего из вещей и продолжил путь, мысленно поблагодарив свой приют. Там, где, спасая свою жизнь, я судорожно цеплялся за скалы, воды не было и в помине, - море слабо плескалось где-то далеко в темноте, и я шёл по отполированному волнами каменному дну, как по асфальту, лишь изредка подсвечивая себе фонариком, - хватало и лунного света.

Пройдя ещё несколько бухт, вышел, наконец, к рыбацкому посёлку. В одном из дощатых домиков заметил свет, а, подойдя поближе, услышал разговор. Постучался в дверь, вошёл, - это была столовая. Несмотря на то, что было уже за полночь, в ней сидели человек пять рыбаков. Поведал им кто я, откуда и куда путь держу. Они сообщили, что до Рудной еще километров семь и предложили переночевать у них, с чем я сразу согласился. Для начала меня напоили чаем, поставив передо мной большую чашку, доверху наполненную лососёвой икрой. Хлеб с маслом на столе тоже присутствовали, поэтому «чай» у меня получился весьма вкусным и калорийным, чаще бы так! Места на кровати в домике, куда мы потом все вместе пришли, правда, не оказалось, и я лёг прямо на полу, завернувшись в палатку, как в плащ.

Утро следующего дня снова было пасмурным, моросил мелкий дождь. Позавтракав с рыбаками, я тепло с ними распрощался, и, накрыв рюкзак полиэтиленовой пленкой, отправился в путь в предвкушении встречи с Володей Сывороткиным, с которым почти полгода назад в Москве планировал наши совместные работы на Курилах. С ним мне приходилось ходить на лыжах по Архангельской области, работать в Приморье, но вот встречаться на Курилах раньше не доводилось.

Про поход на лыжах хотелось бы рассказать особо.

По следам Ломоносова

На перроне Ярославского вокзала дуло, как в степи. Покуда я, взмыленный после метро и эскалаторов, с тяжело гружёным рюкзаком и лыжами ждал посадки в свой вагон, он, этот ледяной январский ветер, успел устроить так, что в первые дни нашего похода меня всё время знобило, а в горле как будто стоял, непрерывно его царапающий, ёрш для мытья бутылок.

Вместе с Аллой Ворониной мы догоняли экспедицию «по ломоносовским местам», организованную Володей Сывороткиным. Начатая в Москве, она продолжалась поэтапно уже несколько лет, но я подключился к ней на последнем этапе, от Каргополя до Холмогор. Незадолго перед этим прошла моя предзащита диссертации, и мне срочно нужно было проветриться, отдохнуть от суеты и напряжения последних месяцев, выразившихся в том, что последнюю ночь перед ней я вообще не смог сомкнуть глаз, и, убедившись в невозможности уснуть, пошёл гулять на Ленинские горы. Иногда у меня начинала идти носом кровь, - своё обещание: «кровь из носу, но предзащиту пройду в срок» я выполнял буквально.

Ещё один доклад, теперь на «Московском обществе испытателей природы», задержал меня, и я не смог выехать вместе со всеми. Договорились воссоединиться на станции Плесецкой, поблизости от нашего северного космодрома, о существовании которого из-за повышенного режима секретности мы тогда и не подозревали. Алла тоже задержалась в городе, поэтому мы и оказались вместе в одном вагоне плацкартного вагона поезда «Москва – Архангельск» и часов через пятнадцать высаживались в северном краю, встретившем нас двадцати пятиградусным морозом.

Прибывшие накануне шестеро наших товарищей встретили нас на вокзале Плесецка, мы немного передохнули с дороги и поначалу двинули вдоль широкой дороги, но вскоре нас завернули местные жители, сообщив, что впереди закрытая зона. Это было первое

наше знакомство с понятием «Космодром Плесецк». Пришлось идти в сторону Емцы, следующей станции в сторону Архангельска.

Кроме руководителя группы Владимира Сывороткина, меня и Аллы Ворониной в поход шли Володины друзья Михаил Семаков, Борис Киреев, Сергей Сколотнев, муж Аллы А.П. Воронин и похожая на Лию Ахеджакову девушка, имя которой за эти годы забылось.

В первый день мы шли вдоль асфальтированного шоссе, царапая свои лыжи о камушки, невидимые под слоем снега, и к вечеру были на станции Емца, где поднаторевший в делах «вписки» в незнакомых селениях, Володя нашёл для всех нас жильё в просторном доме директора единственной школы этой небольшой станции, заручившись обещанием, - разумеется, нами выполненном, - выступить перед учениками.

Фотокорреспондентом в нашем походе был сотрудник кафедры геохимии Борис Киреев, то и дело прикладывающийся к окуляру своего аппарата, результатом чего стали впоследствии великолепные снимки, выполненные настоящим мастером.

На второй день мы всё-таки не избежали контакта с военно-космическими войсками и упёрлись в зелёные ворота с красными звёздами посередине. Некоторое время ушло на то, чтобы убедить военное начальство, что мы всего лишь желаем пройти по территории части, никуда не отклоняясь от дороги и не фотографируя ракеты, нацеленные в космос, и уж тем более, не интересуясь содержимым планшетов, в которые «заправлены космические карты».

Следует здесь отметить, что чуть более чем через месяц после нашего похода, на нашем северном космодроме прямо на стартовом комплексе взорвалась ракета, но, слава Богу, никому не пришло в голову связать эту трагедию с нашим там кратковременным пребыванием. Тогда всё свалили на команду, готовившую ракету к старту и погибшую в полном составе, и только потом разобрались, что виной всему были фильтры для системы, перекачивающей перекись водорода.

Военно-космические войска расположились в живописном еловом лесу, по которому мы шли, словно через рождественскую сказку, пока не выбрались к вечеру в посёлок лесорубов, которые эту сказку превращали в штабеля брёвен. Нам, впрочем, этот населённый пункт был весьма кстати, - уже смеркалось, и нужно было думать о тёплом ночлеге, так как к холодным ночёвкам мы подготовлены не были, - палаток с печками не несли, и если бы таковая случилась, то пришлось бы нам коротать ночь у костра.

В своём балке приютил нас маленький мужичонка, оказавшийся, однако, большим матерщинником, невзирающим на присутствие среди нас двух представительниц женского пола. Пришлось с этим мириться, да и матерился он безобидно, совсем, как Шура Каретный.

Продукты несли с собой, и в месте нашего временного проживания нам требовалась лишь вода, да жаркий очаг. Всё это нам предоставляли гостеприимные северяне, да ещё солёными огурчиками и грибочками угощали.

Обедали мы всегда в пути, - разжигали костёр, варили какой-нибудь супчик, подкреплялись и двигали дальше. Часов в пять - «файв-о-клок ти» - небольшой перекус, а там - до ближайшей деревни, где просились на постой. Дома на севере большие, - всё подворье под одной с домом крышей, места хватало.

Спали, где придётся, всё больше в своих спальниках на полу, застеленном какими-нибудь фуфайками и матрасами. Для двух наших девушек, впрочем, всегда находились места на кроватях.

Вообще-то, проходить через селения было плохо, - за пару километров до них лес кончался, и мы оказывались на ледяном ветру, поэтому это пространство старались проходить максимально быстро, чтобы в лесу сбавить скорость, - там ветер запутывался в густых ёлках, гудел только в вышине, а на нас сыпался тихий буран.

Вот, наконец, и Холмогоры, - небольшой городок на берегу Северной Двины. Местные жители, произнося его название, делают ударение на первом «о», что для всех нас

стало откровением. Родная деревня Михаила Васильевича, однако, оказалась не совсем здесь, и нам ещё пришлось сходить до села Ломоносова, чтобы уж точно сказать, что побывали там, где родился основатель Московского университета.

Страна заходящего солнца

...Едва я вышел от рыбаков, дождь стал усиливаться. Накрылся плёнкой полностью и продолжил путь. Скоро тайфун набрал силу, - дующий слева ураганный ветер пытался прижать меня к скалам. Надо ли говорить, что дождь снова вымочил меня до последней нитки?

На первый взгляд, в посёлке геологов было безлюдно. Заглянул в один дом, другой – никого. Только в третьем обнаружил первого человека и сразу кого нужно – коменданта поселка. Он рассказал, как мне найти своих товарищей, и через пару минут, оставляя на полу лужицы, я ввалился в их жарко натопленный балок. По причине проливного дождя, в столь далеко не ранний час, они ещё лежали в своих спальных мешках. Кроме Володи здесь были два сотрудника, - лаборант кафедры Лёня и химик, кандидат наук с химфака МГУ Никита, однофамилец великой актрисы Ольги Садовской, - это в честь неё был назван теплоход, доставивший меня на этот прекрасный и таинственный остров, в который я был по уши влюблён ещё восемнадцать лет назад, – Кунашир.

К обеду тайфун ушёл, тучи развеялись, и мы смогли сходить в маршрут по обставленной могучими пихтами дороге на Прасоловское золоторудное месторождение.

А уже вечером, возвращаясь из маршрута по охотскому побережью, мы наблюдали, как солнце опускается за самый северный остров Японии – Хоккайдо. Нам ещё предстояло возвращение в Южно-Курильск, затем через Сахалин на материк, но думать пока об этом не хотелось, – мы наслаждались тишиной и покоем ласково плескавшегося моря.

Перед отплытием с Кунашира я ещё раз сходил посмотреть на «чудо света», не знаю уж, под каким номером – мыс Столбчатый. Риолитовые столбы, как тесно прижатые друг к другу гигантские каменные карандаши, вертикально стоят здесь в скорбном молчании. Я шёл по отполированным прибоем до состояния мостовой камням и вспоминал, как отбирал здесь материал для своего диплома, понырял со скал, чтобы ещё раз поразиться красоте подводного мира Охотского моря, послушал эхо своего голоса, отражающегося от этих величественных труб гигантского органа.

Когда-нибудь я обязательно вернусь сюда, в эту сказку, хотя бы ненадолго!

Г. Ботряков